

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2026-83-1-59-64

«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» КАК ЭТНОЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)

© Елена Дубровская, Ольга Ломакина

“FRIEND OR FOE” AS ETHNOLINGUOAXIOLOGICAL LINGUOCULTURAL DOMINANTS OF THE PEOPLES IN RUSSIA (BASED ON PROVERBS)

Elena Dubrovskaya, Olga Lomakina

The article examines the dichotomy “friend or foe” as an ethnolinguoaxiological dominant in the proverbs of the peoples in Russia. The study focuses on the interaction between the concepts of ethnolinguistic markers and linguoaxiological markers within paremiological material. Ethnolinguistic markers are interpreted as language components reflecting national specificity and cultural memory, while linguoaxiological markers convey evaluative meanings embedded in proverbs. The research identifies how the opposition “friend or foe” influences value orientations in different linguistic cultures and determines the mechanisms of its semantic and axiological realization. The analysis is based on proverbs containing ethnonyms, toponyms, and culturally marked realia, which function simultaneously as indicators of ethnic identity and as carriers of evaluation. Particular attention is paid to spatial, social, linguistic, and ethnic levels of representation. The results demonstrate that the dichotomy “friend or foe” acts as a system-forming principle in the paremiological worldview, shaping representations of homeland, language, community, and collective identity. At the same time, the material reveals cases of axiological ambivalence, indicating the dynamic and culturally conditioned nature of this opposition.

Keywords: ethnolinguistic marker, linguoaxiological marker, “friend or foe” dichotomy, paremiology, ethnonym, toponym, cultural identity

В статье рассматривается дихотомия «свой – чужой» как лингвоаксиологическая доминанта в пословицах народов России. Основное внимание уделено изучению этнолингвомаркеров, которые отражают национальное своеобразие и культурную память различных этносов и служат основой для формирования языковой картины мира. Проанализирована роль лингвоаксиологических маркеров, в которых сосредоточен оценочный смысл пословицы. В ходе исследования выделяются особенности восприятия понятий «свой» и «чужой» в разных лингвокультурах, а также их влияние на формирование ценностной и социальной идентичности. Примером служат пословицы, в которых эти понятия выражаются через этнолингвомаркеры: топонимы, этнонимы, локальные реалии и социальные отношения. В статье приведены случаи амбивалентности ценностных оценок, показывающие, что оппозиция «свой – чужой» не всегда имеет однозначную негативную или позитивную окраску. Результаты работы демонстрируют, что данная дихотомия играет ключевую роль в формировании представлений о пространстве, языке, сообществе и этнической принадлежности в культурах народов России.

Ключевые слова: этнолингвомаркер, лингвоаксиологический маркер, дихотомия «свой»/«чужой», паремиология, этноним, топоним, идентичность

Для цитирования: Дубровская Е., Ломакина О. «Свой» и «чужой» как этнолингвоаксиологические доминанты лингвокультуры народов России (на материале пословиц) // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 1 (83). С. 59–64. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-83-1-59-64

В русле антропоцентрической парадигмы современной лингвистики язык рассматривается как культурный код нации, внутри которого тесно переплетаются семантические, прагматиче-

ские и социокультурные аспекты. Изучение этнолингвомаркеров и их роли в русской паремиологии представляет собой важное направление, позволяющее выявить особенности восприятия

мира в различных этнических сообществах. Этнолингвомаркеры фиксируют национальные и культурные особенности народов, оказывая влияние на формирование языковой картины мира; их изучение помогает глубже понять связь языка и культуры, а также роль этих маркеров в репрезентации мира в разных лингвокультурах. Становление «метаязыка современной лингвоаксиологии происходит на паремиологическом материале», поскольку пословицы демонстрируют максимальную информативность и репрезентативность системы ценностей народа [1, с. 629].

Паремиологический фонд языков народов России, представленный в антологии литературы народов России «Народная мудрость» и послужившей источником исследования, позволяет обнаружить значимые для представителей различных лингвокультур устойчивые ценностные доминанты, классификация которых позволяет выявить значимые для различных лингвокультур ценностные доминанты и проследить механизмы их вербализации.

Одной из наиболее репрезентативных оппозиций в паремиологическом материале является дихотомия «свой – чужой», представленная как имплицитно, так и эксплицитно. Так, при анализе картотеки можно увидеть ряд семантических конденсатов (по Е. И. Селиверстовой [2]): *родина – чужбина, сосед – дальний родственник, родной язык – чужой язык, своя земля – чужая земля, свой хлеб – чужой хлеб* и др. Неоднократность обращения к таким моделям в пословицах, имеющих отношение к разным этносам, свидетельствует о важности дихотомии «свой/чужой» как ценностной константы, которая, несмотря на универсальный характер, обладает различными вариантами культурно-специфической реализации.

О. В. Ломакина ввела в научный обиход и разработала два взаимосвязанных понятия – этнолингвомаркер и лингвоаксиологический маркер. Этнолингвомаркеры определяются как компоненты фразеологических единиц и паремий, «которые отражают национальное своеобразие, „культурную память“ и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [3, с. 94]. Таким образом, этнолингвомаркер фиксирует культурно-историческую специфику, актуализируя этническую идентичность и локальные реалии. В свою очередь, лингвоаксиологический анализ паремий, по определению О. В. Ломакиной, предполагает выделение и рассмотрение «лингвоаксиологических маркеров – языковых средств – компонентов паремии, содержащих оценку / способствующих оценочности,

передающих аксиологически заряженную семантику паремий, выраженную эксплицитно и имплицитно» [1, с. 630]. При рассмотрении паремий разных языков выделяются также поликультурные лингвоаксиологические маркеры – «лексические единицы, обладающие одинаковым смыслом в фольклорных текстах разных языков» [Там же, с. 631]. В типологии лингвоаксиологических маркеров, предложенной Н. Ю. Нелюбовой, этнолингвомаркеры выделяются как самостоятельный тип, наряду с лексемами, представляющими ценности и антиценности эксплицитно или имплицитно, а также лексемами общеоценочной семантики [4].

Таким образом, можно говорить о том, что этнокультурная маркированность паремий и их аксиологическая маркированность взаимно дополняют друг друга, находясь в функциональном взаимодействии. Так, компонент, отражающий национально-культурную специфику – этнолингвомаркер (среди которых – этнонимы, топонимы, названия локальных реалий, имена собственные, артефакты культуры и др.), может одновременно выступать и носителем ценностной оценки, выполняя роль лингвоаксиологического маркера.

Материал нашей картотеки паремий позволяет проследить, как оппозиция «свой – чужой» актуализируется через систему этнолингвомаркеров, формируя аксиологические доминанты, значимые для различных лингвокультур. Повторяемость семантических конденсатов «Своя родина – рай», «На чужбине и летом замерзнешь», «Хороший сосед ближе дальнего родственника» и др. демонстрирует устойчивую взаимосвязь между положением в пространстве, этнической идентичностью и оценкой предметов и явлений.

Показательно выглядит группа пословиц, в которых противопоставляются родина и чужбина: дарг. *ВегЛа дунья алжана саби*. «Своя родина – рай», дарг. *ВегЛа ВатЛан – неш, урхЛа – убай неш*. «Своя родина – мать, чужая – мачеха», авар. *Нильгерго бакI – алжан, чияр бакI – жуужахI*. «Свой край – рай, чужой край – ад», чечен. *Даймохк – йалсамани, нехан мохк – жоьжахахате*. «Родина – рай, чужбина – ад», эвенск. *Ач бугла бэй – чукачан икэй бэричэ*. «Человек без родины – птичка, потерявшая свою песню», ногай. *Тувган ердинь ери – еннет, сувы – сербет*. «Земля родная – рай, а ее вода – шербет». Все эти единицы демонстрируют устойчивую взаимосвязь между положением в пространстве, пространственной принадлежностью и аксиологической оценкой окружающей реальности и отношения к ней. Так, пространственный признак, заключенный в дихотомии «своя земля –

чужая земля» наделяется и оценочной интерпретацией: *свое* соотносится с теплом, раем, матерью, в то время как *чужое* – с холодом, адом, опасностью, потерей. В этих паремиях пространственная оппозиция выступает носителем ценностной семантики, что позволяет рассматривать лексемы, маркирующие принадлежность (*свой, родной, чужой, чужбина*), как лингвоаксиологические маркеры.

В ряде пословиц фокус внимания перемещается на родной язык и успешность владения им. Например, дарг. *Вегла мез дирцутти хледирар*. ‘Нельзя продать **свой (родной) язык**’, удм. *Вордскем кылдэ вунэтйд ке, анай кылдэ но вунэтод*. ‘**Родной язык** забудешь – значит, завет матери забудешь’. Эти единицы демонстрируют сакрализацию владения родным языком и подчеркивают важность его сохранения. Словосочетание ‘родной язык’ одновременно выполняет функцию этнолингвомаркера (фиксируя культурную идентичность) и лингвоаксиологического маркера (актуализируя ценность верности традициям и памяти), а принадлежность к языку напрямую интерпретируется как нравственная обязанность, что демонстрирует наличие валентных связей (термин «аксиологическая валентность» введен в [5, с. 8]) по Т. Г. Бочиной, согласно мысли которой этнокультурная семантика способна усиливать аксиологическую направленность высказывания [6 с. 79–80].

Похожая ситуация прослеживается и в пословицах, противопоставляющих «своего» и «чужого» на уровне социального окружения. Паремнологические единицы модели «*Хороший сосед лучше дальнего родственника*» встречаются в ряде языков: абаз. *Айгва хъара йацкыс гвла бзи*. ‘Лучше хороший **сосед**, чем дальний приятель’, агул. *Вархал але багунф дала, багулив фае кьунши иджи э*. ‘Хороший **сосед** лучше родственника, живущего далеко’, балк. *Узакъда иги жууукъдан эсе жанынгда аман кьонишу игиди*. ‘Чем хороший родственник вдали, лучше [иметь пусть и] плохого **соседа** рядом’, чуваш. *Лайӑх кӳрше аякри тӑванран сывӑхрах*. ‘Хороший **сосед** ближе дальнего родственника’, – в этих единицах ценностная иерархия выстраивается не по признаку родственных связей, а в зависимости от пространственной и бытовой близости. *Свой* здесь определяется более локально и ситуативно: сосед, живущий рядом, оказывается более значимым, чем родственник, находящийся далеко. Пространственная категория переходит в ценностную, а лексемы *сосед, родственник, близкий, дальний* выступают в качестве лингвоаксиологических маркеров.

В ряде пословиц *чужое* демонстрируется через негативную коннотацию материального или социального опыта: эрз. *Ломань алашастро рудазс валгат*. ‘С **чужой лошади** в грязь слезешь’, чуваш. *Сын япали сиппе пымасть*. ‘**Чужое добро** не в пользу’, чуваш. *Сын япалине ёмётленекен хайённо сұхатать*. ‘Надеющийся на **чужое** потеряет свое’, эвенк. *Бунту бэе сунин окин-мал эвки декелдыра*. ‘**Чужое** платье никогда не бывает впору’. Показательно, что здесь *чужое* оценивается отрицательно и связывается с неудобствами, опасностью, утратой чего-то важного, что позволяет говорить о закрепленной оценочной модели, повторяющейся в разных лингвокультурах. При этом выделяются паремии, где чужое не интерпретируется как что-то плохое или приносящее неприятности, однако явно подчеркивается как отличное от своего, привычного (удмурт. *Муртлэн нянез зыретэн табань кадь*. ‘**Чужой хлеб** словно лепешка с зыретом’), подтверждая, что нельзя рассчитывать на чужое: эрз. *Ломанень киши (сускомо, улипаро) лангс кургот иляк автне*. ‘На **чужой хлеб** (кусочек, имущество) рот не разевай’ как по причине потенциальной опасности и негативного исхода, так и потому, что это чужое, непривычное.

Собранный материал демонстрирует, что оппозиция «свой/чужой» не всегда носит негативный характер. Например, в некоторых пословицах подчеркивается возможность жизни на чужбине, однако даже в таких случаях противопоставление *своего* и *чужого* остается смыслообразующим, структурирующим языковую картину мира носителей языка и культуры.

Показательны пословицы с компонентами-этнонимами: осет. *Ирон адаем гæрзты хорз семæ знаджы бирæйæ нæ тарстысты*. ‘**Осетинский народ** не боялся хорошего оружия и превосходящего количества врага’ и *Ирон зæрдæ ныфсхаст у*. ‘Сердце **осетина** – отважно’, якут. *Саха, обуһун мииннэ да, ырыаһыт*. ‘**Якут**, как сядет на быка, – певец’, сибирскотат. *Татар эцэр тэ қацар*. ‘Татарин поест и убежит’, которые демонстрируют, что этноним в структуре пословицы выступает как маркер коллективной идентичности. В одних случаях формируется позитивный автостереотип (отвага, талант, трудолюбие), в других – иронический или негативный гетеростереотип. Этноним в подобных текстах закрепляет представление о «своем» или «чужом» народе, фиксируя особенности поведения, характера или судьбы. Этноним в составе паремии является типичным этнолингвомаркером, так как несет национально маркированную информацию и отражает этноспецифичность языкового знака, а также выполняет аксиологическую функцию, по-

скольку сопровождается оценочной характеристикой (похвала, предостережение, ирония), что позволяет включить его в систему лингвоаксиологических маркеров.

Также в числе пословиц народов России особенно выделяются те, в которых этнолингвомаркеры представлены в виде локальных реалий – наименований предметов быта, территориальных и религиозных общин, названий блюд или традиционных промыслов. Например, баш. *Ете ауылда ете кәрҙәшең булһын*. ‘Пусть в семи аулах будут семеро родичей твоих’ и дарг. *Везлаша дихьиб дигай – изуси беклис дарман*. ‘Любовь в своем ауле – лекарство от большой головы’, где используются компоненты, глубоко укорененные в конкретной культурной среде. Слово *аул* не является универсалией, оно маркирует определенный тип поселения, связанный с историческим и социальным укладом конкретных народов. В этих случаях этнолингвомаркер фиксирует и закрепляет уникальные элементы локальной картины мира и одновременно участвует в аксиологическом противопоставлении «своего» и «чужого». Так, этнокультурный компонент оказывается включенным в систему ценностных представлений народа.

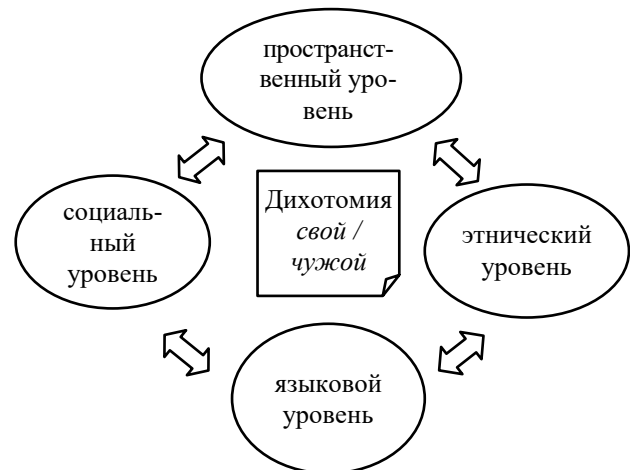
Несмотря на очевидную доминантность позитивной оценки «своего» и негативной оценки «чужого», обращение к пословицам народов России показывает, что оппозиция «свой – чужой» не является статичной и не всегда может быть однозначно интерпретирована. В некоторых из рассматриваемых единиц обнаруживается аксиологическая амбивалентность, что свидетельствует о сложной структуре ценностных установок в пословичной картине мира.

Прежде всего, следует отметить, что «свой» не всегда гарантирует безусловную положительную характеристику. В некоторых пословицах вербализуется возможность конфликта внутри «своего», родственного круга: тат. *Ыру-туган талашыр, дошман килсә ярашыр*. ‘Родня поссорится, а с приходом врага – помирится’. Здесь «свои» могут быть носителями противоречий, однако угроза со стороны «чужого» сплачивает против общего врага и формирует коллективную солидарность. В то же время и «чужой» не всегда позиционируется исключительно негативно: подчеркивается возможность сосуществования и взаимодействия с «чужими», хотя и с оговорками. Так, в удмуртской паремии *Мурт шаерын но калык улэ*. ‘И на чужбине люди живут’ заложено осмысление жизненного опыта, примиряющего с потенциальной враждебностью чужого и незнакомого пространства.

Особый интерес представляет ситуация, когда «чужой» переходит в категорию «своего» или приравнивается к этой категории. Это особенно заметно в пословицах о госте. Зачастую гость изначально маркируется как «чужой», но его статус постепенно трансформируется. Следующие пословицы отражают процесс перехода от «чужого» к «своему»: адыг. *ХьакIэр чэцмэ-фицэ щысымэ унагъом щыщы мэхъужьы*. ‘Гость становится членом семьи после трех суток пребывания в доме хозяина’; азерб. *Гонаг үч күн эзиз олар*. ‘Гость три дня считается гостем. Здесь оппозиция «свой/чужой» приобретает динамический характер: граница между категориями оказывается проницаемой, но строго регулируемой культурной нормой. При этом отношение к гостю всегда положительное, возможность принимать гостей – символ достатка и благополучия, признак успешности семьи: азерб. *Гонагсыз ев бәдәбәхт олар*. ‘Дом без гостей несчастен и убог’, чечен. *Хьаша ца вогу цIа кошах тера ду*. ‘Дом, в который не приходит гость, подобен могиле’. В представленных примерах этнолингвомаркер ‘гость’ фиксирует традиционные модели поведения, связанные с гостеприимством, тем самым участвуя в формировании аксиологически заряженной семантики паремии, что соответствует пониманию лингвоаксиологического маркера как компонента, передающего оценочность.

Обобщая модель функционирования оппозиции «свой/чужой» в пословичной картине мира народов России, отметим, что данная дихотомия реализуется на взаимосвязанных уровнях, при этом каждый уровень получает конкретное выражение через компоненты паремии, которые одновременно выполняют этнокультурную и аксиологическую функции (схема 1):

Схема 1.

На пространственном уровне противопоставление «своего» и «чужого» связано, прежде

всего, с понятием *Родина*. Лексемы *родина, земля, аул, село, дом*, их дериваты, а также соответствующие им номинации, указывающие на *чужбину*, образуют устойчивые семантические оппозиции. Пространство «своего» наделяется признаками тепла, рая, защищенности, материнского начала; «чужое» маркируется как холодное, опасное, чуждое. В структуре таких пословиц лексемы, обозначающие родную землю или чужбину, функционируют как лингвоаксиологические маркеры, поскольку «передают аксиологически заряженную семантику, выраженную эксплицитно и имплицитно» [1, с. 630]. Одновременно при наличии локальных реалий они выступают как этнолингвомаркеры, отражающие культурную специфику народа.

На **социальном уровне** оппозиция реализуется через отношения «сосед – дальний родственник», «свой человек – чужой человек», «гость – хозяин». Здесь пространственная близость или принадлежность к общине приобретает ценностные характеристики. Идентичность и повторяемость пословицы «*Хороший сосед лучше дальнего родственника*» в разных языках указывает на универсальный характер паремии, номинирующей ценностно-культурную доминанту, которой конкретные реалии (*аул, село, дом*) придают ей этнокультурную окраску. Социальная структура традиционного общества оказывается встроенной в аксиологическую систему через маркированные компоненты паремии.

На **языковом уровне** оппозиция «свой – чужой» проявляется в сакрализации родного языка. Пословицы, утверждающие невозможность «продать родной язык», демонстрируют, что языковая принадлежность интерпретируется как высшая ценность. Лексема «родной» в сочетании с «язык» выполняет двоякую функцию: она указывает на этническую идентичность и одновременно актуализирует морально-этическую оценку, поведенческую норму, связанную с верностью традициям.

На **этническом уровне** оппозиция выражается через этнонимы и топонимы. Этнонимы маркируют коллективную идентичность и формируют авто- или гетеростереотипы; топонимы актуализируют известные и ассоциирующиеся с чем-то культурные или территориальные центры, служащие своего рода точкой отсчета, мерилем успешности и результативности. Такие компоненты отражают культурную память и раскрывают этноспецифичность языкового знака. Вместе с тем они включаются в систему оценочных координат и потому рассматриваются как один из типов лингвоаксиологических маркеров.

Анализ пословиц народов России показывает, что оппозиция «свой – чужой» функционирует как ценностная константа, включающая в себя спектр пространственных, социальных, языковых и морально-оценочных смыслов. При этом компоненты, маркирующие принадлежность, одновременно выполняют и аксиологическую функцию, что подтверждает продуктивность рассмотрения их в качестве лингвоаксиологических маркеров в рамках паремиологического анализа. В то же время в ряде случаев они выступают как этнолингвомаркеры, фиксирующие культурную память и этническую идентичность. Данная оппозиция выступает аксиологической доминантой паремиологической картины мира, имеющей системный характер и структурирующей представления о пространстве, языке, сообществе и этнической принадлежности, определяя границы идентичности и нормативные ориентиры поведения. Через взаимодействие этнолингвомаркеров и лингвоаксиологических маркеров, которое можно обозначить термином *синкретизм*, эта дихотомия отличается многомерностью и становится ключевым элементом языковой картины мира.

Список источников

1. Ломакина О. В. Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 622–637.
2. Селиверстова Е. И. О некоторых константах в паремике // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 54. С. 66–70.
3. Ломакина О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2015. 390 с.
4. Нелюбова Н. Ю. Феномен аксиологического синкретизма ключевых компонентов французских паремий: к постановке проблемы // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4 (60). С. 235–241.
5. Бочина Т. Г. Коммуникативная валентность гедонистических ценностей в традиционной русской аксиосфере // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. № 6 (67). С. 7–13.
6. Бочина Т. Г. Внутривидовая валентность бытийных ценностей в русской паремике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 77–81.

References

1. Lomakina, O. V. (2025). *Metayazyk sovremennoi lingvoaksiologii: paremiologicheskii uroven'* [Metalinguage of Modern Linguaxiology: The Paremiological

Level]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. Vol. 16. No. 3, pp. 622–637. (In Russian)

2. Seliverstova, E. I. (2009). *O nekotorykh konstantakh v paremike* [On Some Constants in Pareemics]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 54, pp. 66–70. (In Russian)

3. Lomakina, O. V. (2015). *Frazeologiya v yazyke L. N. Tolstogo: lingvisticheskii kommentarii i leksikograficheskoe opisanie: dis. ... d-ra filol. nauk* [Phraseology in the Language of Leo Tolstoy: Linguistic Commentary and Lexicographic Description: Doctoral Thesis]. St. Petersburg, 390 p. (In Russian)

4. Nelyubova, N. Yu. (2024). *Fenomen aksiologicheskogo sinkretizma klyuchevykh komponentov frantsuzskikh paremii: k postanovke problemy* [The Phe-

nomenon of Axiological Syncretism of Key Components of French Proverbs: Towards the Formulation of the Problem]. Kognitivnye issledovaniya yazyka. No. 4 (60), pp. 235–241. (In Russian)

5. Bochina, T. G. (2023). *Kommunikativnaya valentnost' gedonisticheskikh tsennostei v traditsionnoi russkoi aksiosfere* [Communicative Valence of Hedonistic Values in the Traditional Russian Axiosphere]. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika. No. 6 (67), pp. 7–13. (In Russian)

6. Bochina, T. G. (2025). *Vnutrividovaya valentnost' byitiinykh tsennostei v russkoi paremike* [Intra-specific Valence of Existential Values in Russian Proverbs]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 47. No. 5, pp. 77–81. (In Russian)

The article was submitted on 27.02.2026

Поступила в редакцию 27.02.2026

Дубровская Елена Михайловна,
кандидат филологических наук,
Новосибирский государственный
технический университет,
630073, Россия, Новосибирск,
проспект К. Маркса, 20.
schitat.do.sta@gmail.com

Ломакина Ольга Валентиновна,
доктор филологических наук,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
rusoturisto07@mail.ru

Dubrovskaya Elena Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Novosibirsk State Technical University,

20 K. Marks Avenue,
Novosibirsk, 630073, Russian Federation.
schitat.do.sta@gmail.com

Lomakina Olga Valentinovna,
Doctor of Philology,
Peoples' Friendship University of Russia named
after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaiya Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
rusoturisto07@mail.ru